

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

СИЛА И СЛАБОСТЬ: ДИНАМИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕГЕМОННОЙ МАСКУЛИННОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РЭПЕ

Светлана Васильевна Жучкова^а (szhuchkova@hse.ru),
Антон Евгеньевич Бойченко^б,
Никита Максимович Смирнов^а

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

^б независимый исследователь,
Лондон, Великобритания

Цитирование: Жучкова С.В., Бойченко А.Е., Смирнов Н.М. (2024) Сила и слабость: динамика репрезентации гегемонной маскулинности в русскоязычном рэпе. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 103–138.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.6>. EDN: CIBPQV

Аннотация. В общественной и академической дискуссии рэп зачастую представляется как один из наиболее агрессивных музыкальных жанров, в разном виде изображающий насилие и жестокость. Этому способствует социальный контекст возникновения рэпа — его появление в криминальном районе Нью-Йорка и распространение среди бедного чернокожего населения. Используя понятие гегемонной маскулинности, различные исследователи показывают, как рэперам удается устанавливать доминирование над другими через демонстрацию в своих текстах мизогинии, гомофобии и агрессии по отношению к другим артистам. Недавнее же исследование русскоязычного рэпа, основанное на анализе нескольких тысяч текстов этого жанра, показало, что в русскоязычном рэпе нередко встречаются темы, связанные с эмоциями, чувствами и рефлексией, т.е. с чертами, не укладывающимися в типичный для рэпа образ гегемонной маскулинности. Используя результаты этого исследования и расширенный корпус текстов, авторы задаются вопросами о том, как соотносятся указанные образы в русскоязычном рэпе, о чем именно переживают русские рэперы и как содержание их песен меняется с течением времени. Результаты показывают, что с точки зрения содержания для русскоязычного рэпа в гораздо большей степени характерен рефлексивный и недоминирующий образ, связанный с выражением чувств, эмоций и переживаний, рассуждениями о себе и мире. Причем если в ранние периоды источником переживаний были размышления о собственном пути, с течением времени они сменяются на переживания о несчастной любви и расставании. Одновременно с этим в последние годы также заметно распространение и маскулинных тем, особенно таких, которые, на наш взгляд, выражают новый образ гегемонной маскулинности.

В этом образе доминирование мужчины достигается за счет богатства, употребления наркотиков и успеха у женщин, но не за счет агрессии и жестокости, характерных для исходного американского образа рэпера.

Ключевые слова: анализ динамики, гегемонная маскулинность, интеллектуальный анализ текстов, русскоязычный рэп, тематическое моделирование.

Введение

Принято считать, что рэп — это агрессивный музыкальный жанр. Такое представление о нем характерно как для общественной, так и для академической дискуссии, причем в последней представлены убедительные доказательства такой точки зрения. В исследованиях рэпа описываются различные формы жестокости и агрессии, которые рэп представляет своим слушателям. Мы находим демонстрацию агрессии в рэпе и через визуальные образы (например, видеоклипы или обложки альбомов), и через поведение артистов, и через тексты песен. В последних встречаются угрозы насилием и убийствами, мизогиния, гомофобия (Hunnicutt, Andrews 2009; Grant 2002; Lena 2006).

Поскольку на протяжении всей истории жанра в подавляющем большинстве случаев рэп-сцена представлена мужчинами, в настоящем исследовании мы обращаемся к концепции гегемонной маскулинности для объяснения и описания таких паттернов. Маскулинность как таковая понимается как позиция в гендерных отношениях, а также набор практик, который мужчины и женщины используют для занятия и удержания этой позиции (Connell 2005). В ранних работах под гегемонной маскулинностью понимался набор паттернов поведения (и их репрезентаций), которые утверждали мужскую доминацию (Connell 2005), но позднее сама Коннелл интегрирует разного рода критику и предлагает помыслить гегемонную маскулинность в терминах «общественного отклика» — феномена согласия относительно модели «истинно мужского» поведения как поведения доминирующего (Connell, Messerschmidt 2005). Жестокость и агрессия, свойственные рэперам, становятся средствами достижения этого доминирования. Такой образ рэпера имплицитно исключает возможность присутствия в рэпе эмоциональных переживаний, выражения чувств и рефлексии собственного опыта. Однако для маскулинности, в том числе гегемонной, характерна постоянная изменчивость и относительность, она не сводится к заранее заданному набору «мужских» качеств. Гегемонные паттерны социально и культурно укоренены, в определенных контекстах гегемонная маскулинность может проявлять себя через дискурсивные отношения опеки, заботы, наставничества и другие формы имплицитного

доминирования (Connell, Messerschmidt 2005). Эти исторические и географические различия привели к тому, что авторы концепции предложили говорить скорее о *гегемонных маскулинностях* (Messerschmidt 2019). Именно поэтому далее в разделе об истории образов в рэпе предложен контекстуальный список атрибутов, которые мы относим к гегемонной маскулинности.

Несмотря на то что мы действительно находим изображения агрессии и жестокости в американском и русском рэпе, характеризовать жанр исключительно через эти особенности было бы несправедливо. Американский рэп, на который ориентируются впоследствии и русские рэперы, изначально представляет своим слушателям ряд рефлексивных нарративов — это рассуждения о неравенстве, смерти, убийствах и тяготах уличной жизни (Lusane 2004). Однако они не становятся для него ключевыми.

Для русскоязычного рэпа характерна другая картина. Недавнее исследование Бойченко и Жучковой (2020), в котором анализируется несколько тысяч русскоязычных рэп-треков, показывает, что в отечественном рэпе часто встречаются темы любви и расставания, смерти и поиска себя. Такие темы явно противоречат образу мужчины, который мы видим в истоках рэпа, — жестокому, «жесткому» и агрессивному, и позволяют рассуждать о другом проявлении маскулинности в русскоязычном рэпе. Принимая за основу результаты указанного исследования, но используя улучшенный корпус данных, в работе мы ставим два исследовательских вопроса:

1. Какие темы преобладают в русскоязычном рэпе: связанные с типичным, более доминирующим образом маскулинности, для которого нехарактерны эмоциональность и переживания, или, напротив, связанные с выражением чувств, эмоций, рефлексией? Каково содержание тем, связанных с выражением чувств?
2. Как менялось распределение и содержание двух указанных групп тем в русскоязычном рэпе со временем?

Для ответа на поставленные вопросы мы используем данные ресурса «Яндекс.Музыка» — корпус из текстов почти 19 000 песен, относящихся к жанру русского рэпа.

Анализ текстов производится в рамках стратегии смешивания методов. На первом этапе, используя результаты предыдущего исследования, мы группируем выделенные авторами 17 тем в четыре крупных категории, соответствующие разным образам маскулинности. На этом этапе мы количественно оцениваем распределение этих образов в русском рэпе, а также анализируем динамику изменения этого распределения с течением

времени. На втором этапе с помощью качественного контент-анализа мы подробнее описываем, каково содержание тем, связанных с выражением чувств, в русскоязычном рэпе.

Работа построена следующим образом. Сначала мы рассмотрим истоки рэпа как жанра и место выражения различных эмоций в нем. Далее подробно опишем используемые данные, в том числе их отличия от данных оригинального исследования, и объясним методологию работы с текстами и темами. В части с результатами анализа будут даны ответы на поставленные исследовательские вопросы: какой образ в большей степени характерен для русскоязычного рэпа, что он собой представляет и как менялся со временем.

История рэпа и образов в нем

Рэп возникает в 1970-х годах в Америке (Hollander, Quinn 2016) и становится жанром бедного молодого чернокожего населения (Stephens, Wright 2000). Первые рэперы обращаются в своем творчестве к тяготам уличной жизни: преступлениям, разборкам, наркотикам и прочим криминальным сюжетам (Hunnicuttt, Andrews 2009; Grant 2002). Тематика криминальной жизни останется с рэпом на десятилетия, воплощаясь самым ярким образом в гангста-рэпе (McCann 2017). Гангста-рэп, активно повествующий о жизни гангстера, бандита, в свое время оказывается самым популярным поджанром рэпа в США (Lena 2006).

Существует несколько концептуальных подходов к разграничению рэпа и хип-хопа. Ряд историков культуры предлагают рассматривать хип-хоп скорее как социокультурное (или политико-культурное) движение, а рэп — как «саундтрек» этого движения, его музыкальное оформление (Bennett 1999; Rabaka 2013). Для других это синонимичные термины, которые описывают музыкальный жанр (Androutsopoulos, Scholz 2003). Наконец, в некоторых исследованиях по антропологии культуры хип-хоп и рэп противопоставляются, последний описывается как деградация и коммерциализация хип-хопа, вырождение аутентичного и политизированного движения до «читки» текстов (Harrison 2008; Turner 2010). В рамках нашей работы рэп рассматривается как музыкальный жанр, принадлежащий хип-хоп-культуре и конституированный специфическими нарративами и стилистическими приемами. Мы умышленно сужаем широкое понятие хип-хоп-культуры, любое определение которой, по замечанию Хестанова, не будет и не может претендовать на исчерпанность (Хестанов 2016). Из этого минималистического определения исключены культурные контексты, ассоциированные с хип-хопом (граффити, «уличный» бэкграунд артиста, политическая программа и т.п.).

В центре нашего интереса — репрезентация этого контекста в текстах композиций, отобранных для анализа.

Нарративы криминала, убийств, жестокости позволили рэпу сформировать особый образ артиста — жестокого, «жесткого», сильного (Iwamoto 2003). Артист и лирический герой первых десятилетий жанра — это сильный и агрессивный мужчина, способный на насилие. Важно подчеркнуть, что это именно мужчина. Несмотря на присутствие (а зачастую и значительную популярность и влияние) в жанре артистов-женщин (Goodall 1994), подавляющее большинство исполнителей были мужчинами (Berggren 2014). Численное доминирование мужчин в рэпе и выражение ими особой формы маскулинности, образуемой на пересечении класса, расы и гендера, породило значительный корпус исследований маскулинности в рэпе (Balaji 2009; White 2011; Baker-Kimmons, McFarland 2009). Обозначенный ранее набор качеств, которые рэперы представляли своей аудитории, позволяет нам и другим авторам использовать концепт гегемонной маскулинности или схожих, таких как гипермаскулинность (Iwamoto 2003; Mohammed-Baksh, Callison 2015). Коннелл, будучи одной из ключевых теоретиков в работах о гегемонной маскулинности, определяет ее как практику, которая позволяет устанавливать и воспроизводить доминирование мужчины над женщинами и другими формами маскулинности (Connell 2013). В отличие от ряда авторов, которые обращаются к маскулинности (в том числе гегемонной или гипермаскулинности) в рэпе как к четко заданному набору характеристик (Greenberg 2009; Lewis 2008), мы намеренно используем широкое определение Коннелл, принимая во внимание, что маскулинность — постоянно меняющийся феномен (Connell, Messerschmidt 2005). Отличия в «стандартах» маскулинности могут быть обнаружены не только в разные периоды в рамках одной культуры, но и в один период в разных культурах. Определив маскулинность через заданный набор примет, черт и поведений мужчины, мы бы «лишили» маскулинность этой важной характеристики — ее относительности и изменчивости.

Несмотря на широту используемого определения, маскулинность в рэпе и особенно гангста-рэпе отвечают классическим (предложенным в ранних текстах Коннелл) критериям гегемонной маскулинности. Рэперы часто представляют себя аудитории именно как доминирующих. Показывая себя жестокими и сильными, сексуально активными (Hunter 2011; Oware 2011), рэперы устанавливали свое, пусть и демонстративное, доминирование над другими. Кроме этого, Коннелл пишет, что гегемонная маскулинность публична и создает недостижимый идеал, который мужчинами же и поддерживается (Connell 2013). Рэп ярко отвечает именно этим критериям,

создавая зачастую гипертрофированный, недостижимый образ мужчины, который артисты поддерживают в своем творчестве.

Доминирование, характерное для гегемонной маскулинности, в образе рэпера устанавливается за счет демонстрации агрессии по отношению к разным группам. Во-первых, это другие мужчины, в частности другие рэперы и артисты. Подобную агрессию мы можем встретить, например, в рэп-баттлах (Johnson, Schell-Busey 2016) или текстах, в которых рэперы обращаются к враждебным бандам (Harkness 2013). Во-вторых, агрессия рэпера направляется в сторону женщин. Мизогиния — частый атрибут рэп-риторики, особенно ранней (Weitzer, Kubrin 2009; Lusane 2004; Armstrong 2001). Мизогиния в рэпе простирается от объективации и сексуализации женщин до прямой агрессии по отношению к ним. Исследования наиболее популярных песен разных лет показывают, что в рэпе значительно чаще женщины упоминаются в контексте сексуальных отношений, а не романтических, в отличие от песен других жанров (Smiler, Shewmaker, Hearon 2017). Сексуализация и объективизация женщин позволяет мужчинам (в данном случае рэперам) устанавливать и поддерживать власть над женщинами, ту же функцию выполняет и жестокость по отношению к ним. В-третьих, еще одна «атакуемая» американским гангста-рэпом группа — это гомосексуалы, причем как мужчины (Kolaric 2020), так и женщины (Pritchard, Bibbs 2007). Гомофобия проявляется в рэпе в разных формах, начиная от активного неприятия и неодобрения, заканчивая оскорблениями и угрозами. Гомофобия рэпа — это еще одна демонстрация того, что рэп первых десятилетий создает образ мужчины, который точно укладывается в идеи гегемонной маскулинности. Рэпер устанавливает доминирование и над другими мужчинами (и разными формами маскулинности внутри), и над женщинами.

Таким образом, американский рэп 1970–1990-х годов задает вполне однозначный образ рэпера или лирического героя. Во-первых, это в абсолютном большинстве случаев мужчина. Во-вторых, это жестокий, агрессивный мужчина, часто связанный с криминалом и доминирующий над другими. В такую маскулинность не вписываются идеи слабости, активного переживания страха, грусти, рефлексии собственного опыта. Несмотря на оговоренную выше нецелесообразность определения гегемонной маскулинности через конкретное содержание, мы полагаем, что последние перечисленные черты в целом скорее соответствуют традиционному пониманию феминности. Установки неуместности открытых эмоциональных переживаний, недопущения виктимизации, а также субординированное положение рефлексии по отношению к активному действию выделяются как распространенные в исследованиях мужской

социализации как на американском (Newberger, 1999; Vogel et al. 2011), так и на российском (Кривошеков, Гулевич, Сорокина 2021) материале. В этом смысле мы склонны относить их скорее к альтернативным или субординированным маскулинностям. Тем не менее и для таких тем находится место в американском рэпе.

Так, один из ключевых опытов, осмысляемых ранним американским рэпом, и ключевая рефлексия ранних десятилетий жанра — это расовое неравенство (Lusane 2004). Тема оказывается важна для жанра из-за исторического и социального контекста, в котором возникает рэп (Forman 2000). В текстах рэперов поднимаются различные проблемы, связанные с расовой дискриминацией: безработица чернокожего населения (Lusane 2004), социальная изоляция (Shusterman 1991), связь с криминалом (McCann 2017) и др.

Переживание и осмысление этих проблем отражались в текстах рэперов как в агрессивной (Best, Kellner 1999), так и в более нейтральной и даже рефлексивной манере. Одним из примеров такого сочетания разных тональностей может быть тема убийств, часто встречающаяся в американском рэпе. С одной стороны, мы находим в рэпе выражение желания убивать, которое появляется как реакция на несправедливость и угнетение (Hunnicut, Andrews 2009). Желание убивать выполняет функцию и установления доминирования рэпера, и поддержания уважения к себе, а сами убийства зачастую нормализуются как явление. С другой стороны, в рэпе также находит место и выражение чувств скорби, переживания убийств на расовой почве. Например, «Ему было всего лишь семнадцать, в мечтах безумца, копы застрелили его, я до сих пор слышу его крик» (He was only seventeen, in a madman's dream/the cops shot the kid, I still hear him scream¹).

Таковыми же неоднозначными оказываются и другие темы, связанные с криминалом. Например, мы находим повествования о том, что рэперам приходится торговать наркотиками, чтобы содержать себя и семью, или о том, как торговля и потребление наркотиков приводят к смертям и убийствам (Kubrin 2005; Nichols 2006). Порой же наркотики выступают как способ установления доминирования. Через активное потребление наркотиков рэпер может показать, на что способен, на что ему хватает силы и умений (Williams 2020).

Таким образом, один и тот же контекст возникновения жанра и соответствующие этому контексту темы, с одной стороны, становятся основой образа агрессивного рэпера, с другой — дают почву для возникнове-

¹ Slick Rick. "Children's Story" (1989).

ния в рэпе рефлексивности и нарративов переживания. Тем не менее у нас нет свидетельств того, что последние составляют ключевые нарративы внутри жанра, напротив, в большинстве исследований американского рэпа речь идет именно о первом образе.

Для жанров других стран, в том числе России, американский рэп становится основой, ориентиром, с которым сверяются и из которого заимствуют стили, идеи и нарративы (Garley, Hockenmaier 2012; Фролова 2014). Исследования собственно русскоязычного рэпа только начинают складываться. Как показывает недавний обзор (Грудева, Дивеева 2021), не сформировалось устойчивой лингвистической, культурологической или социологической традиции рассмотрения рэп-культуры. Среди фрагментарных работ по теме можно выделить несколько ключевых призм рассмотрения рэпа: философскую (Коробов-Латынцев 2016; Клочков 2020), педагогическую (Есаков, Логвинова 2016) и коммуникативистскую (Фадеева, Сизых 2016; Венцель и др. 2017). Большинство отечественных публикаций по теме сосредоточены на попытках макроанализа рэпа как социокультурного явления: он представляется специфической формой рефлексии поколения миллениалов (Гришина 2019), альтернативным способом политической делиберации и борьбы с гегемонией (Denisova, Herasimenka 2019), выражением эсхатологических настроений современной России (Поляков 2019). Общим местом исследований представляются тезисы о глубокой политизированности русской рэп-культуры, а также ее склонности к воспроизводству американских паттернов.

Несмотря на то что образы русскоязычного рэпа становятся объектом исследований значительно реже, существуют мнения, что и его содержание укладывается в те же паттерны гегемонной маскулинности. Кукулин, анализируя отдельные тексты русских рэперов, отмечает, что русскому рэпу свойственны риторика агрессии и установления доминирования (Kukulín 2020). Однако этому мнению можно противопоставить результаты количественного анализа содержания нескольких тысяч русскоязычных рэп-треков, представленные в исследовании Бойченко и Жучковой (2020). Согласно этим результатам, в русскоязычном рэпе присутствуют размышления о родине, смерти, своего места в мире, а самыми распространенными становятся темы любви, поиска себя и смерти. В своем исследовании на основе предложенной авторами тематической модели (Бойченко, Жучкова 2020), но на базе более широкого корпуса текстов мы постараемся ответить на вопросы о том, какой образ, гегемонно-маскулинный или нет, больше характерен для русского рэпа, о чем именно переживают русские рэперы и как содержание треков менялось со временем.

Данные и методы

Исследование строится на основе автоматизированного анализа текстов русскоязычных рэп-треков. Источником данных послужил портал «Яндекс.Музыка» — крупнейший¹ из музыкальных стриминговых сервисов в России, данные из которого были выгружены с помощью процедуры веб-скрейпинга.

В связи с техническими особенностями портала формирование выборки русскоязычных рэп-треков происходило в несколько этапов. На первом этапе были выгружены идентификаторы всех исполнителей, среди песен которых присутствуют песни в жанре «русский рэп» — список таких исполнителей на портале вынесен на отдельную страницу². На втором этапе для каждого такого исполнителя были собраны идентификаторы всех имеющихся на портале треков этого исполнителя. На третьем этапе среди всех выгруженных треков мы отобрали только те, жанр которых определен на портале как «русский рэп». Используемый рубрикатор «Яндекс.Музыки» имеет ряд особенностей. Во-первых, жанр определяется правообладателем во время загрузки трека на портал и может быть изменен технической поддержкой портала в случае обнаружения ошибок пользователями³. Во-вторых, в рубрикаторе разведены рэп и хип-хоп, что важно в контексте корректного определения эмпирического объекта. В-третьих, для рубрикатора под русским понимается рэп на русском языке — в связи с этим в выборку попадает, например, ряд русскоязычных треков казахстанского исполнителя Скриптонит, но не попадают композиции “Perk” или “Switch” российского исполнителя Bumble Beezy. Обращение исключительно к русскоязычным текстам — не только ограничение рубрикатора, но и техническая необходимость применяемого в дальнейшем метода тематического моделирования, одно из требований которого состоит в том, что анализируемые тексты должны быть написаны на одном языке. Таким образом, под русским рэпом в дальнейшем анализе понимаются треки на русском языке, жанр которых определен как рэп либо правообладателями, либо технической поддержкой портала.

¹ Медиапотребление в России — 2021 [<https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/mediacconsumption-in-Russia-2021.html>] (дата обращения: 02.01.2022).

² Русский рэп. Исполнители [<https://music.yandex.ru/genre/русский%20рэп/artists>] (дата обращения: 20.11.2023).

³ Информация об описанных принципах работы рубрикатора получена от службы технической поддержки портала.

Сбор данных осуществлялся в январе 2021 г., для последующего анализа оставлены только те треки, релиз которых состоялся до 2020 г. включительно. На момент сбора данных из 85 008 представленных на портале русскоязычных рэп-треков тексты присутствовали у 18 981, на этом объеме наблюдений проводился дальнейший анализ. Хотя доля не вошедших в анализ треков довольно велика, мы исходим из предположения, что в общем случае тексты отсутствуют у малоизвестных песен и/или исполнителей и исключение таких треков из рассмотрения не должно исказить общую картину русскоязычного рэпа.

В итоговой базе представлено 2837 уникальных исполнителей. В среднем на каждого артиста приходится по восемь треков, наибольшее число треков представлено у следующих рэп-исполнителей (в порядке уменьшения числа треков): Loc-Dog, PHARAOH, Карандаш, Скриптонит, Рем Дигга, ST1M, Баста, Noize MC¹, SLIMUS и Каста. Средняя длина текста песни после его предобработки² — 162 слова, средняя продолжительность трека — 3 минуты 10 секунд. Самые ранние треки в базе датируются 1990 г. — это треки из альбома «Выше закона» группы Bad Balance. Количество треков распределено по годам неравномерно — с каждым годом оно увеличивается (рис. 1): от шести треков в 1990-м до почти четырех тысяч в 2020-м. Кроме показателя роста масштабов рэп-индустрии в России с течением времени, этот факт может быть также свидетельством одного из ограничений нашего исследования — отсутствия в используемой базе текстов ранних песен.

Для обеспечения большей надежности дальнейшего статистического анализа треки ранних лет были сгруппированы в несколько периодов таким образом, чтобы в каждом периоде было представлено не менее 100 треков. Так, были объединены треки, вышедшие до 2000 г., в 2000–2001 гг. и в 2002–2003 гг. Итоговое распределение частот со сгруппированными периодами представлено в таблице 1.

Чтобы определить содержание текстов, нами была использована уже готовая тематическая модель русскоязычного рэпа, представленная ранее в исследовании Бойченко и Жучковой (2020). В исследовании авторы на корпусе из более 11 000 текстов с помощью метода тематического моделирования выделили 17 уникальных тем, присутствующих в русскоязычном рэпе. В указанном методе темой называется набор часто встречаю-

¹ Признан лицом, выполняющим функции иностранного агента.

² Предобработка текстов включала в себя удаление знаков препинания, цифр и прочих лишних символов, приведение слов к начальной форме, исключение часто встречающихся, но не несущих смысловую нагрузку слов (стоп-слов).

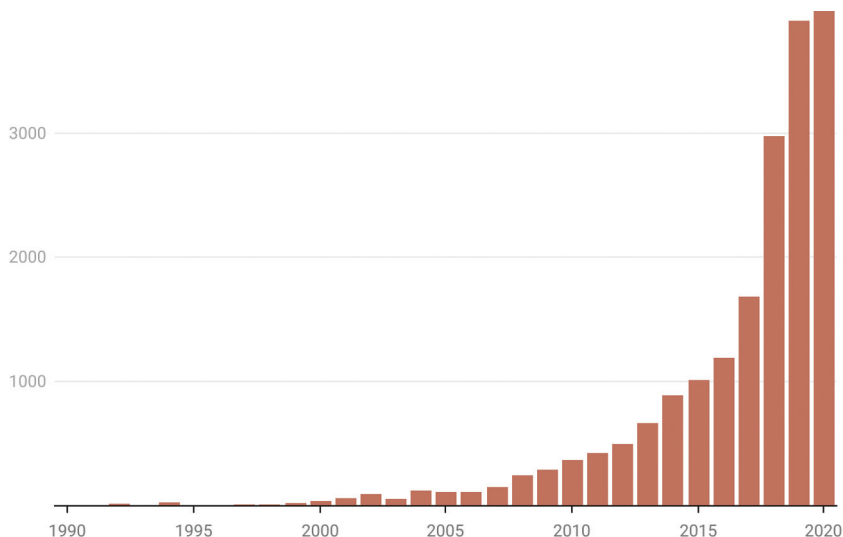

Рис. 1. Распределение числа текстов по годам

Таблица 1

Распределение числа текстов после объединения отдельных периодов

Год	До 2000	2000–2001	2002–2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Число текстов	102	101	148	121	113	111	151	246	291	369
Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число текстов	425	496	665	892	1010	1190	1684	2978	3905	3983

щихся друг с другом слов, которому присваивается название в зависимости от некой общей идеи, объединяющей эти слова. Например, тема, объединившая слова «кровь», «тело», «смерть», «душа», «бог», «боль», «страх» и др., была названа авторами оригинального исследования темой смерти. В дальнейшем мы используем названия тем, предложенные авторами указанного исследования (табл. 2).

По наличию конкретных слов в отдельном тексте можно рассчитать вероятность принадлежности текста каждой теме, таким образом автоматически определив содержание этого текста. Именно в таком виде указан-

ная модель используется нами в текущем исследовании — с помощью предложенных авторами параметров модели для имеющихся у нас текстов рассчитаны вероятности их принадлежности к каждой из 17 тем. Поясним на примере. Если применить модель к тексту песни группы «Многоточие» «В жизни так бывает» (см. текст в прил.), то, согласно результатам, он на 82 % принадлежит к теме несчастной любви, на 7 % — к теме смерти, на 6 % — к теме природы, на 5 % — к теме поиска и становления себя. Вероятность принадлежности ко всем оставшимся темам не превышает 1 %. Расчет вероятностей происходит с помощью специальных математических алгоритмов, реализованных в пакете *bigartm* на языке программирования Python¹, который и был использован в текущем и оригинальном исследованиях.

Поскольку наши исследовательские вопросы строятся на противопоставлении друг другу широких групп тем, для ответа на эти вопросы темы были объединены в четыре категории:

- 1) *рефлексия и переживание «личного»*, куда вошли темы «Поиск и становление себя», «(Несчастливая) любовь», «(Тяжелое) детство»;
- 2) *рефлексия о мире в целом*, куда вошли темы «Природа», «Смерть», «Размышления о мире», «Размышления о родине»;
- 3) *маскулинные темы*: «Рэперские атрибуты», «Вечеринки и секс», «Разборки», «Жизнь на районе», «Успех», «Мат»;
- 4) *нейтральные темы*: «Житейские истории», «Город», «Исполнение музыки», «Создание и чтение рэпа».

Первые две группы тем отражают «нетипичный» образ² рэпера, связанный с переживаниями, рефлексией, выражением чувств и эмоций о себе, своем опыте или мире в целом. Он противопоставляется описанному выше гегемонно-маскулинному, которому свойственно проявление агрессии, силы, власти, стремления к успеху и в который не укладываются эмоциональность и проявление слабости. Этот образ выражается в третьей группе тем. К нейтральным были отнесены темы, в которых, на наш взгляд, не прослеживаются признаки этих двух образов, эти темы подробно не анализировались.

Распределение тем по группам производилось на основе содержания и тональности слов, которые формируют каждую тему (см. подробнее

¹ BigARTM. State-of-the-art topic modeling [<https://bigartm.org/>] (дата обращения: 29.01.2022).

² Под словом «образ» мы будем понимать образ рэпера, который транслирует именно через его или ее тексты, а не достигается какими-либо другими средствами (например, манерой исполнения песен или внешним видом).

в табл. 2). Так, в группе маскулинных тем представлены либо слова, описывающие конкретные практики, которые можно было бы отнести к проявлениям маскулинности (активная сексуальная жизнь, физическое насилие, употребление наркотиков и алкоголя и др.), либо оскорбительные, ругательные выражения, включая мат. В первых же двух группах тем слова описывают переживание трагического опыта, размышления о собственном предназначении и устройстве мира, а также используются для создания определенного художественного образа. В неоднозначных случаях для отнесения тем к той или иной группе принималась во внимание статистическая связь темы со всеми остальными. Так, тема «Природа», которая в оригинальном исследовании описывалась скорее как нейтральная, по нашим данным, имела наиболее тесную положительную корреляцию именно с темами из первых двух групп («(Несчастная) любовь», «Смерть», «Размышления о мире») и, напротив, тесную отрицательную корреляцию с маскулинными темами («Мат», «Рэперские атрибуты» и «Жизнь на районе») и по этой причине была отнесена к группе тем с рефлексией о мире в целом.

Таблица 2

Распределение тем по группам¹

Тема	Слова, характеризующие тему	Группа, к которой была отнесена тема
Поиск и «становление» себя	знать, свой, верить, жить, друг, понимать, видеть, давать, становиться, никто, мир, идти, сила, говорить, делать, слово, думать, хороший, оставаться, сделать, душа, правда, бог, дело, путь, судьба, деньги, ничто, брат, место	Рефлексия и переживание «личного»
(Несчастная) любовь	любовь, любить, сердце, знать, глаз, слово, забывать, ночь, прощать, уходить, слеза, друг, сон, боль, чувство, душа, понимать, вместе, рука, оставаться, просить, становиться, весна, ла, последний, нужный, ждать, говорить, помнить, оставлять	Рефлексия и переживание «личного»
Природа	небо, свет, солнце, лететь, ветер, звезда, мир, земля, огонь, белый, рука, глаз, гореть, снег, идти, вода, падать, видеть, сон, путь, море, волна, облако, птица, пусть, летать, давать, лето, свой, бежать	Рефлексия о мире в целом

¹ Источник первых двух столбцов таблицы: (Бойченко, Жучкова 2020: 142–145).

Продолжение таблицы 2

Тема	Слова, характеризующие тему	Группа, к которой была отнесена тема
Смерть	кровь, тело, смерть, душа, бог, глаз, лицо, боль, черный, страх, видеть, земля, голова, война, ад, мертвый, брат, сила, вера, последний, крест, рука, свой, пыль, белый, мир, чей, свет, сердце, живой	Рефлексия о мире в целом
Житейские истории	утро, друг, дело, спать, знать, минута, думать, завтра, ночь, звонить, работа, пара, вроде, вообще, самый, вечер, неделя, вчера, ладно, телефон, давать, начинать, забывать, час, становиться, писать, идти, пойти, сосед, просыпаться	Нейтральные темы
Исполнение музыки	новый, музыка, игра, слово, свой, голос, оставаться, становиться, строка, мысль, рука, писать, играть, сцена, песня, самый, делать, зал, роль, стих, текст, лист, голова, главный, звук, сердце, куплет, слушать, путь, дело	Нейтральные темы
Размышления о мире	мир, давать, искать, либо, дом, становиться, дно, свой, среди, ноль, ум, поиск, пусть, тысяча, сеть, находить, крутить, понимать, знать, заново, видеть, вдох, глаз, система, внутри, пустой, стена, воздух, менять, путь	Рефлексия о мире в целом
Создание и чтение рэпа	рэп, хип, хоп, трек, давать, бит, читать, делать, свой, качать, мс, писать, микрофон, рифма, стиль, альбом, голова, текст, слово, слушать, говорить, становиться, знать, понимать, пара, дело, куплет, рука, парень, готовый	Нейтральные темы
Жизнь на районе	че, пацан, брат, курить, давать, ак, рука, говорить, братан, витя, взять, мусор, план, бл*, хулить, дело, делать, хата, х*й, вася, район, дым, любить, голова, идти, ноггано, братик, минимум, карман, мутить	Маскулинные темы
Город	город, улица, Москва, район, дом, дым, дорога, свой, знать, ехать, двор, ночь, машина, окно, центр, старый, столица, метро, большой, идти, поезд, спать, качать, дело, Питер, знакомый, вагон, домой, городской, круг	Нейтральные темы
Вечеринки и секс	давать, любить, клуб, танцевать, девочка, знать, свой, тело, черный, парень, секс, танец, детка, подруга, рука, ночь, девчонка, дама, хороший, нравиться, бар, пить, смотреть, пьяный, делать, видеть, деньги, играть, отдыхать, утро	Маскулинные темы

Тема	Слова, характеризующие тему	Группа, к которой была отнесена тема
(Тяжелое) детство	мама, ребенок, помнить, сын, становится, умирать, отец, мать, детство, уходить, папа, дом, жить, плакать, прощать, старый, школа, родной, смотреть, семья, вернуться, слеза, пить, сидеть, оставаться, бог, приходиться, память, окно, вспомнить	Рефлексия и переживание «личного»
Мат	рэп, *бать, х*й, сука, нах*й, бл*дь, рот, читать, свой, русский, жопа, бл*ть, говорить, знать, пох*й, лох, че, идти, парень, п*здеть, х*йня, гавно, давать, мурак, п*зда, крутой, бл*, п*дор, любить, рэпер	Маскулинные темы
Разборки	бить, рука, пуля, бой, закон, слово, стиль, дон, свой, подымать, готовый, нужный, за*бывать, пацан, голова, злой, враг, удар, давать, ствол, сила, убивать, держать, выстрел, бум, стрелять, патрон, грязный, сын, игра	Маскулинные темы
Рэперские атрибуты	эй, сука, деньги, ха, нах*й, курить, сук, ай, знать, делать, нужный, дерьмо, дело, забирать, давать, видеть, пау, сделать, парень, самый, дно, пох*й, стиль, молодой, окей, новый, свой, бл*, па, бл*ть	Маскулинные темы
Размышления о родине	россия, страна, русский, родина, власть, народ, война, красный, становится, тип, сдохнуть, америка, политика, обычный, голова, стадо, продавать, работать, смотреть, армия, экран, делать, пам, орел, думать, любой, нафиг, золото, автомат, душа	Рефлексия о мире в целом
Успех	песня, переть, петь, самый, оу, слово, ой, кайф, чудо, стоп, голова, становится, мистер, дурак, ля, оп, говорить, пойти, шоу, палец, весело, дерьмо, тупой, джа, звать, гоп, жить, называть, смех, мода	Маскулинные темы

Чтобы ответить на поставленные вопросы — о соотношении и динамике тем, вероятности, исходно рассчитанные для каждого текста в отдельности, были агрегированы по всем текстам и отдельно по текстам каждого года. Агрегирование осуществлялось через расчет средних значений вероятностей по каждой теме. В методе тематического моделирования вероятности принадлежности отдельного текста ко всем темам суммируются в 100 %, то же происходит и со средними значениями после агрегирования данных. С методической точки зрения наиболее корректная

интерпретация описываемых далее средних значений следующая: если представить русскоязычный рэп в виде одного сплошного текста, состоящего из почти 19 000 оригинальных текстов, то с какой вероятностью этот большой текст, т.е. рэп в целом, принадлежит каждой из 17 тем? Заметим, что такая версия интерпретации содержательно отличается от интерпретации в терминах «какой процент песен относится к той или иной теме», поскольку в одной и той же песне могут присутствовать разные темы, и метод это учитывает. Тем не менее для удобства восприятия при описании результатов мы будем говорить о том, какие доли рэп-контента как целого приходятся на ту или иную тему, а не с какой вероятностью рэп принадлежит к каждой из тем.

Кроме расчета количественных показателей мы также обращаемся к качественным методам анализа текстов, так как тематическое моделирование может дать лишь общее понимание содержания текстов. Для более глубокого анализа мы отобрали по 20 текстов с наибольшей выуженностью тех тем, которые связаны с переживаниями и рефлексией, и использовали метод качественного контент-анализа для выявления ключевых идей внутри этих тем.

Наше исследование отчасти является продолжением упомянутой работы, однако отличается как исследовательскими вопросами (оригинальное исследование носило скорее поисковый характер, его целью было представить общее содержание рэп-треков), так и количеством и качеством используемых данных. Под количеством подразумевается и больший объем данных (почти 19 000 текстов в нашем исследовании и около 11 000 — в предыдущем), и большее количество имеющихся характеристик, в частности год выхода трека, позволяющий ставить вопросы о динамике изменения содержания песен. Говоря о лучшем качестве данных, мы имеем в виду большую уверенность в том, что анализируемые тексты действительно принадлежат к жанру рэпа и за счет этого лучше представляют этот жанр. Так, основным источником данных предыдущего исследования стал сайт «рэп-текст.рф», тексты треков на который загружались пользователями самостоятельно по их инициативе. Это ставит под сомнение полноту использованных данных и реальную принадлежность всех треков к нужному жанру. Используя в своем исследовании официальный стриминговый сервис «Яндекс.Музыка», на который песни попадают через правообладателей, мы отчасти снимаем подобные сомнения относительно своего исследования. Незначительные различия в средних значениях между результатами настоящего исследования по сравнению с оригинальным обусловлены именно разницей в количестве и качестве используемых данных.

Результаты

Соотношение и содержание тем в русскоязычном рэпе

Первый исследовательский вопрос посвящен соотношению двух создаваемых русскоязычным рэпом образов: связанного с выражением эмоций, переживаниями и рефлексией и связанного с выражением более традиционной гегемонной маскулинности. Первому образу соответствуют две категории тем, выделенные нами («Рефлексия и переживание личного», «Рефлексия о мире в целом»), второму образу — категория «Маскулинные темы». Далее при ответе на этот вопрос мы также постараемся более глубоко осветить содержание тех тем, которые составляют «рефлексирующий» образ.

Как показывают результаты, для русскоязычного рэпа в большей мере характерен первый образ — связанный с выражением эмоций и рефлексией. В совокупности две группы тем, соответствующие этому образу, составляют больше половины всего контента русскоязычного рэпа (в сумме 52,1 %), в то время как на маскулинные темы приходится меньше трети анализируемого контента (29,6 %; рис. 2). При этом о «личном» — собственном предназначении, любви, семье и детстве — русскоязычные рэперы говорят больше (27,8 %), чем о мире в целом (24,3 %). Наиболее распространенной темой, как в целом, так и внутри группы тем, связанных с рефлексией и переживанием личного, становится «(Несчастливая) любовь». Рассмотрим темы более подробно.

Тема любви, которая оказывается самой распространенной в изучаемом наборе текстов, имеет ряд своих особенностей. Стоит сказать, что в названии темы не зря фигурирует слово «несчастливая». Анализ соответствующих текстов показывает, что ключевым в этой теме стоит нарратив расставания. Важно оговориться, что это тема любви романтической и речь идет о расставании с романтическим/сексуальным партнером. В силу такой особенности неудивительно проявление в этой теме идей телесности — в изученных текстах часто встречаются отсылки к телесным ощущениям. Здесь они выступают для выражения чувств напрямую («В твоих объятиях время замедляет ход»¹), для описания воспоминаний («Мир готов был принести к твоим ногам, в твоих карих глазах я обретал себя»² или «Я вдохну твой аромат, по волосам проведу пальцами»³), для метафорического описания самого расставания («Твои губы словно лед,

¹ ST1M. «Милая» (2007).

² ST. «Все еще» (2008).

³ Bahh Tee. «Руки к щекам» (2011).

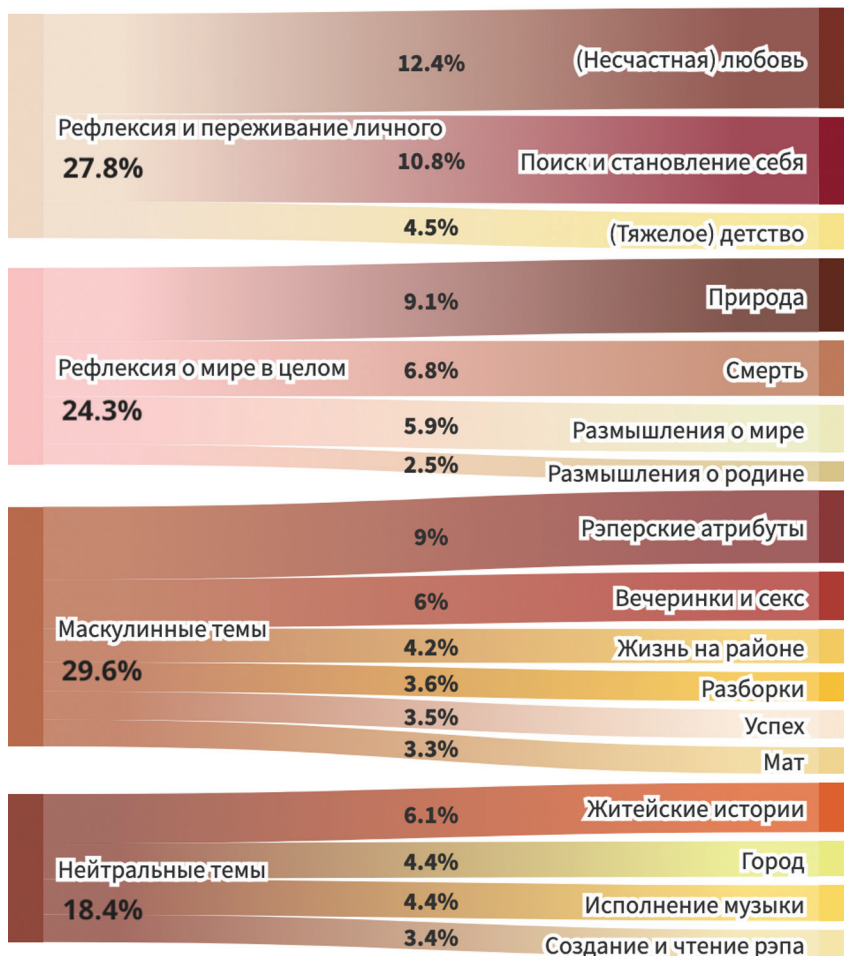

Рис. 2. Распределение тем во всем корпусе:
сгруппированные и оригинальные темы

помню каждый поцелуй»¹). Мы предполагаем, что обращение к телесности позволяет рэперам ярче выразить свои эмоции. В этой теме мы имеем дело с переживаниями, которые обычно не укладываются в стандарты гегемонной маскулинности, не показывают доминирование, а скорее позволяют увидеть рэпера как уязвимого и более слабого. Интересно,

¹ Ecsta. «Холод твоих губ» (2020).

что рэперы не только решаются на демонстрацию своей уязвимости, но еще и усиливают ее через связь с телом.

Отражение слабости в создаваемых этой темой образах поддерживается и через другие приемы и идеи. Например, мы находим выражения обиды («Завел суку я на каблуках, вечно вся типа в делах...»¹) и переживание отказа («Свиданий и прогулок ты со мною не хотела, и встреч, которых так желал, ты тоже не ждала»²). Наконец, о слабости рэперы говорят и напрямую: «Мы стали чужими! И невыносимо, и нет больше силы»³. Таким образом, тема любви не только транслирует эмоциональные переживания артистов, но еще и позволяет представить себя как недоминирующего, более слабого, уязвимого. Такой образ ярко контрастирует с тем, который мы обсудили выше при описании истоков рэпа. Особый интерес эта тема представляет и ввиду своей распространенности.

Следующая по распространенности тема — это «поиск и становление себя». Исходя из ключевых слов, характеризующих эту тему, можно предположить, что тексты с высокой выраженностью этой темы будут повествовать о жизненном пути артиста или лирического героя, и более глубокий анализ доказывает справедливость такого предположения. Ключевая идея внутри этой темы — это идея пути, жизненных выборов. Здесь рэперы повествуют и рефлексиируют о тех принципах, которые они выбрали («Главное не продавать себя, дружбу не губить. Быть человеком — значит об этом не забыть»⁴ или «Я сделал выбор правильный, избрав эту дорогу, забросив варианты прочих, хочу построить новую»⁵). Иногда «путь» артиста и есть самоцель, однако этот путь может вести и к мечте, к достижениям. Именно рассуждения о достижениях, о превозмогании составляют значительную часть этой темы: «Я знаю, что я могу достичь, чего я хочу, не сдамся, не отступлю, бой до победы доведу»⁶.

На «пути» рэпера встречаются соблазны. Например, эта тема позволяет выявить пренебрежительное отношение к деньгам, представление их как препятствия на истинном пути («Веру на рубль не променяю, не меняю свой расклад мыслей»⁷). При этом герой находит поддержку — его сдер-

¹ Денис RiDer. «Роза с шипами» (2019).

² T1One. «Дышу тобой» (2016).

³ Чаян Фамали. «Нам пора прощаться» (2013).

⁴ Руставели. «Человек» (2008).

⁵ D.L.S. «Я сделал выбор» (2017).

⁶ Noize MC & RasKar. «Сам» (2012).

⁷ SHAMI. «Моя Вера» (2020).

живают принципы, дружба, семья, вера в Бога («Господь, ты слышишь меня? Я твой сын, обращаюсь к тебе с земным поклоном»¹ или «Из тысячи дорог мне хватит только одной, которая ведет к дому»²). Рефлексия жизненного пути как статистически, так и содержательно представляется важной темой для русскоязычного рэпа. При этом интересно отметить, что, если тема любви и расставаний могла представить артиста как слабого или уязвимого, нарратив пути, напротив, скорее показывает силу героя/артиста. Превозможание, преодоление, принципиальность позволяют создать образ сильного человека, вновь отсылая нас к идее гегемонной маскулинности. Также можно заметить, что на «пути» герою помогают его друзья, «братья», «стая». Как отмечает Овари (2011), гомосоциальность, т.е. построение и поддержание социальных связей с представителями своего пола, становится одной из характерных черт рэп-маскулинности. Таким образом, мы видим интригующую особенность этой темы. На первый взгляд кажется, что она отражает рефлексивность и эмоциональность, но при ближайшем рассмотрении мы находим в ней паттерны, поддерживающие стандарты маскулинности.

Менее однозначный вклад в формирование того или иного образа рэпера вносит тема («тяжелого») детства». Несмотря на тональность ключевых слов и самого названия темы, нам не удалось обнаружить в ней трагических нарративов, скорее это просто воспоминания о детстве («Раз пустила меня мать на молдаванку погулять, мне до молдаванки пять минут шагать, рукой подать»³) или обращения к родителям от автора/лирического героя уже в зрелом возрасте («Но скоро обещаю тебе, мама, я стану жить по-новому»⁴). С одной стороны, встречающиеся размышления о собственных ошибках прошлого добавляют еще одну деталь к «рефлексивирующему» образу рэпера. С другой стороны, в таких текстах рэпер зачастую представляется как независимый от своей семьи, сильный, а следовательно несущий в себе стандарты маскулинности.

Продолжая исследование рефлексии в русскоязычном рэпе, обратимся к темам природы и смерти, а также темам размышления о мире и родине. Интересно, что тексты, относящиеся к темам природы или смерти, не содержат размышлений ни о природе, ни о смерти. Описания природы и смерти скорее задают ту обстановку, в которой происходят действия. Например, тема смерти часто переплетается с описанием войны и битвы.

¹ Сэт & KREC & Эйсик. «Благодарность» (2004).

² Карандаш. «1000 (Тысячи)» (2004).

³ Серёга. «Говорила мама» (2004).

⁴ Jah Khalib. «PMM» (2015).

Тема же природы либо буквально описывает природу («Птицы падают как гравий через много лет, земля пускает стебли, берет к себе людей»¹), либо служит для метафор и других стилистических приемов («Вечность впереди, пусто как в пустыне, в небо тянет как магнит»²). Тема размышлений о мире оказалась настолько гетерогенна внутри себя, что выявить какие-то общие нарративы в ней не удастся.

В изученном наборе текстов мы также находим рефлексии по политическим вопросам, выраженные в теме «Размышления о родине». Как и «Размышления о мире», эта тема объединяет сразу много идей, среди которых сложно выделить доминирующую. Эта тема позволяет нам увидеть и рассуждения о неравенстве («Мои братья на улицах режут друг друга за желуди, гибнут от свиного гриппа в нищете и холоде»³), и о системе и борьбе с ней («Как Данила Багров могу вписаться в тему, но борцы с системой сами стали системой»⁴), и другие, касающиеся устройства и проблем российского общества. Чаще всего эти тексты написаны в негативном ключе.

Среди маскулинных тем превалирует тема, названная в оригинальном исследовании как «Рэперские атрибуты». Слова, характеризующие эту тему (см. табл. 2), слабо отражают конкретные содержательные сюжеты, а скорее выступают инструментом создания маскулинного образа рэпера. Интерпретация этой темы — интригующий продукт настоящего исследования, так как, на наш взгляд, ей удастся представить собой особую маскулинную перформативность рэпа. Качественный анализ текстов с высокой выраженностью этой темы показывает, что она объединяет несколько практик, которые формируют новую рэп-маскулинность: демонстративное потребление, потребление наркотиков, активное сексуальное поведение. Тексты, описываемые этой темой, представляют яркий и специфический образ рэпера — это богатый мужчина, который пользуется успехом у женщин и употребляет наркотики: «Много денег будто Сбербанк, у! Мои карманы — мой банк, эй»⁵ или «Я курю лесную дурь, швэпс сэнсешен, дым от пуль, супер спешал, самый свежий, нах*й сто второй патруль»⁶. На наш взгляд, эти нарративы — свидетельство изме-

¹ Now Easy. «Спутник» (2018).

² 808RUS. «Тигр» (2019).

³ Noize MC. «Бабки в шапку!» (2010).

⁴ Лёд 9. «Сторож» (2011).

⁵ Big Baby Tape. “Gucci Kandelaki 2016” (2018).

⁶ GONE.Fludd. «Дрипсет» (2018).

нения маскулинностей в рэпе. Если раньше маскулинность и как следствие доминирование в рэпе строились на основе силы, связи с криминалом, жестокости, то сейчас доминирование и маскулинность выстраиваются через богатство, демонстративное потребление и успех у женщин. Как будет показано далее, речь идет именно об изменениях: описываемая тема не всегда превалировала среди прочих маскулинных тем.

Динамика изменения тем в русскоязычном рэпе

Второй исследовательский вопрос затрагивает динамику выявленного соотношения тем. Как показывает анализ распределения тем в разбивке по годам, содержание песен менялось с течением времени и самые заметные изменения связаны с увеличением присутствия маскулинных тем в текстах. Если до 2013 г. эта группа занимала в среднем примерно пятую часть всего рэпа, то начиная с указанного года доля контента, соответствующего маскулинным темам, начинает стабильно увеличиваться и в итоге достигает почти трети (рис. 3). Причем изменения в этой группе тем происходят не только количественные, но и качественные — с течением времени структура тем в этой группе существенно трансформируется (рис. 4). Так, начальные периоды (до 2006 г.) можно охарактеризовать как «хулиганский», уличный, криминальный рэп — по графику видно, что в это время превалируют темы «Разборки» и «Жизнь на районе». На 2006 г. приходится пик другой темы — «Вечеринки и секс». Судя по имеющимся данным, основной вклад в такой резкий подъем темы внесли два альбома, вышедших в этот год: первый сольный альбом Тимати «Black Star» и альбом Карандаша «Американщина». В каждом из альбомов присутствует сразу несколько песен, сюжет которых разворачивается вокруг вечеринок и секса, например «Потанцуй», «В клубе», «Опасные Связи» в альбоме Тимати, «Я в клубе», «Не пытайся быть мной» в альбоме Карандаша. Затем примерно до 2013 г. наиболее распространенной снова становится тема «Жизнь на районе». Наконец, с 2013 г. наблюдается существенный рост количества контента с «Рэперскими атрибутами» — темой, подробно описанной выше и отражающей новую маскулинность. Довольно быстро тема становится превалирующей в этой группе, к концу рассматриваемого периода занимая больше трети всего содержания среди песен из группы маскулинных тем.

Хотя группа тем, связанных с рефлексией и переживанием личного, выглядит наиболее стабильной (рис. 3), внутри себя она тоже качественно трансформируется (рис. 5). Видно, что в течение всего рассматриваемого периода увеличивается количество контента о (несчастной) любви, в конечном итоге смещая тему поиска собственного предназначения,

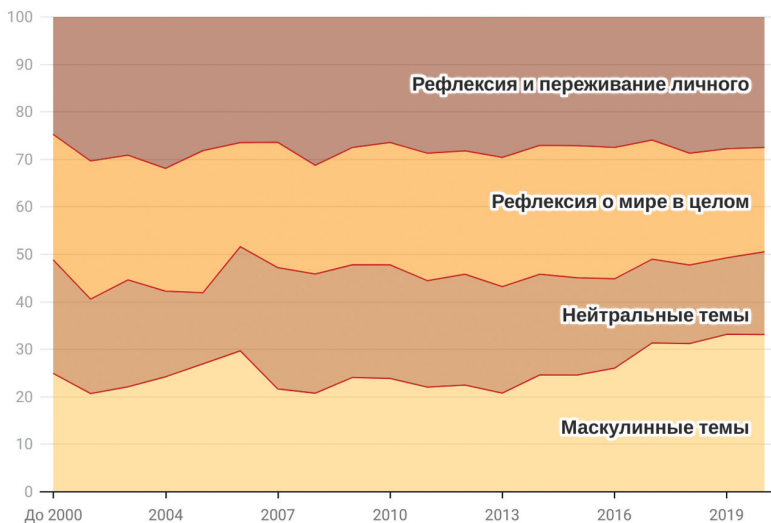

Рис. 3. Динамика изменения тем в русскоязычном рэпе по сгруппированным категориям

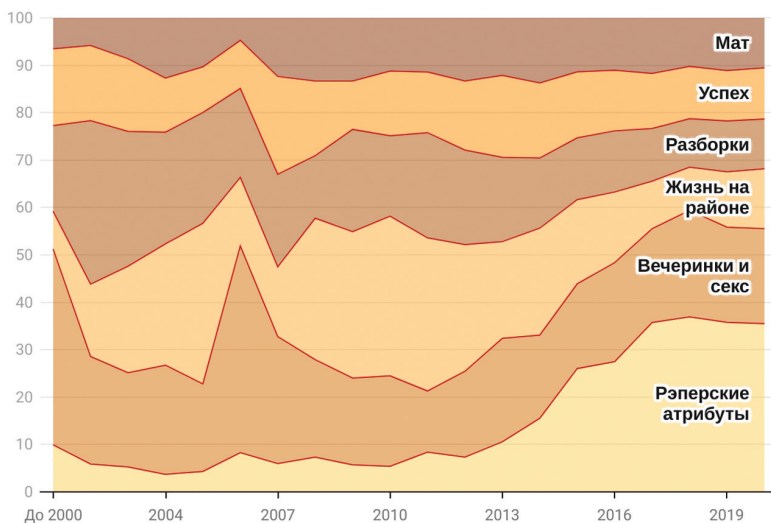

Рис. 4. Динамика изменения категории маскулинных тем

превалирующую в ранние годы. Похожая, но менее различимая картина наблюдается и в группе тем с рефлексией о мире в целом (рис. 6): тема смерти, занимающая бóльшую долю контента в этой группе в начале пе-

риода, к концу периода постепенно замещается набирающими популярность темами природы и размышлений о мире.

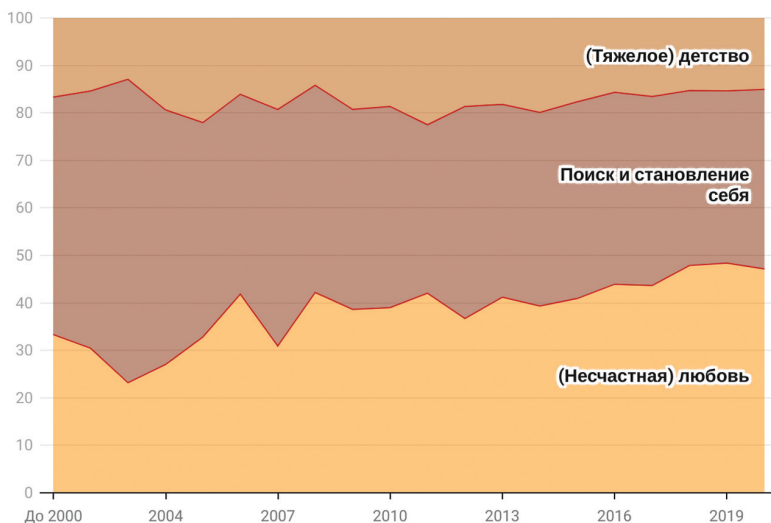

Рис. 5. Динамика изменения категории тем, связанных с рефлексией и переживаниями «личного»

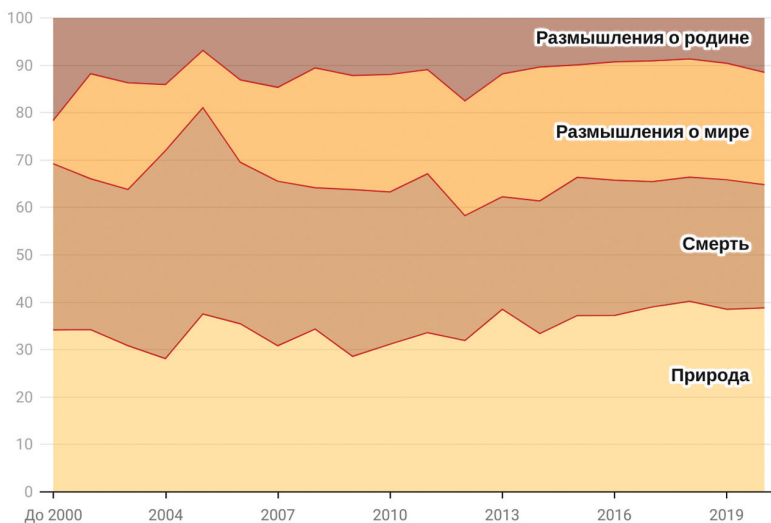

Рис. 6. Динамика изменения категории тем, связанных с рефлексией о мире в целом

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, с точки зрения содержания для русскоязычного рэпа в гораздо большей степени характерен «рефлексирующий» образ рэпера, связанный с выражением чувств, эмоций и переживаний. Причем если в ранние периоды лейтмотивом переживаний были размышления о собственном пути, с течением времени они сменяются на переживания о несчастной любви и расставании. Во-вторых, в последние годы также заметно распространение и маскулинных тем, особенно таких, которые, на наш взгляд, выражают новый образ гегемонной маскулинности. В этом образе доминирование мужчины достигается за счет богатства, употребления наркотиков и успеха у женщин, но не за счет агрессии и жестокости, характерных для образа в американском рэпе. При этом стоит заметить, что распространение таких тем не означает постепенное исчезновение рефлексирующего образа. Напротив, как видно из наших данных, «под ударом» указываются нейтральные темы, а темы, связанные с рефлексией личного опыта, в численном выражении остаются стабильными в течение всего рассматриваемого периода.

Заключение

В настоящем исследовании мы ставили вопросы о том, какое место эмоциональные переживания и рефлексия занимают в русскоязычном рэпе, каково их содержание и как изменялось распределение различных тем и образов в рэпе с течением времени. Отвечая на эти вопросы, мы пытались соотнести контент русскоязычных рэперов с тем образом агрессивного и жестокого мужчины, с которого начинается рэп в целом. Ответы на поставленные вопросы были получены на основе текстов почти 19 000 песен, собранных с портала «Яндекс.Музыка» и проанализированных с помощью тематического моделирования и качественного контент-анализа.

Результаты исследования показывают, что темы, в которых выражаются эмоции и переживания, не просто присутствуют в русскоязычном рэпе, но и составляют основную часть его содержания. Это темы любви и расставания, смерти, осмысления собственного жизненного пути, детства и семьи, природы, рассуждений о политике, своей стране и мире в целом — на них приходится более половины всего проанализированного контента. Качественный анализ текстов позволяет увидеть важные особенности этих тем и то, как по-разному они вносят вклад в формирование маскулинного образа рэпера. Удастся заметить, что через тему любви транслируется боль от расставания с любимой — эта тема позволяет рэперам представить себя как слабых и ранимых. Представление себя

как слабого не вписывается в идеи гегемонной маскулинности, которые, как принято считать, рэперы транслируют в своем творчестве. Особенно интересным этот факт оказывается в свете того, что тема расставания оказывается самой распространенной в исследуемом наборе текстов. Другая популярная тема — поиск себя, напротив, изображает рэперов и лирических героев как сильных и стойких, способных преодолевать трудности и достигать поставленных целей. Эта тема посвящена рефлексии ситуаций выбора жизненных принципов, который рэперам приходится делать на своем пути. Тема раскрывает то, как рэперы обращаются к идеям дружбы, религии, мечты. Несмотря на рефлексивность и эмоциональность этой темы, на наш взгляд, она укладывается в стандарты гегемонной маскулинности.

Имеющиеся данные позволяют делать выводы и о динамике изменения содержания русскоязычного рэпа в период с конца 1990-х до 2020 г. И здесь наиболее интересные закономерности касаются постепенного увеличения контента, связанного с маскулинными темами. Причем изменения наблюдаются не только количественные, но и качественные: тема, в которой фигурирует образ богатого мужчины, употребляющего наркотики и пользующегося популярностью у женщин, начинает вытеснять другие, в которых мужчина изображается агрессивным и жестоким, как это было свойственно рэпу в ранние периоды его истории. Одновременно с этим происходит перераспределение и в группе тем, связанных с рефлексией: размышления о собственном пути и предназначении сменяются выражением боли от несчастной любви и расставании.

У представленного исследования есть несколько ограничений, которые объясняются спецификой используемых данных и методов. Во-первых, применяемый нами метод тематического моделирования, как и любой другой метод автоматизированного анализа текстов, не способен уловить одно из важных свойств песен как художественных текстов — их метафоричность. Темы выделяются и описываются «прямолинейно», в них не учитываются возможные косвенные смыслы и образы, из-за чего результаты могут быть смещены. Частично данное ограничение компенсируется вторым этапом нашего анализа (качественным контент-анализом), в ходе которого темы были проинтерпретированы самими исследователями, однако для лучшего понимания результатов в дальнейшем требуется еще более глубокое погружение в тексты песен. Во-вторых, результаты показывают превалирование в русскоязычном рэпе тем, связанных с рефлексией, только с точки зрения распределения тех или иных тем, но не с точки зрения их популярности у слушателей. Мы не исключаем, что маскулинные темы, хотя и составляют только треть всего контента, для

слушателей могут оказаться более предпочтительными, чем, например, темы о романтической любви, и наоборот. Для проверки таких гипотез требуются данные о количестве прослушиваний имеющихся песен, которые нам недоступны. В-третьих, в своем исследовании мы описываем образы, подразумевая, что они создаются исполнителями-мужчинами, хотя среди имеющихся песен присутствуют и такие, которые исполняются женщинами. Темы, поднимаемые женщинами, могут отличаться от тем в песнях рэперов-мужчин и вносить смещение в полученные результаты. Такие различия могут быть выявлены при наличии информации о поле исполнителя, которая не представлена в имеющихся у нас данных. Наконец, в-четвертых, несмотря на использование официального стримингового сервиса как более надежного источника данных по сравнению с предыдущими исследованиями, мы все еще допускаем наличие в имеющейся базе смещений, не поддающихся оценке и контролю. Как было показано, в имеющейся выборке существенно отличается число текстов за разные годы, в связи с чем песни ранних лет могут быть недопредставлены. Кроме этого, в ходе анализа мы обнаруживали ремиксы ранних песен, датированные более поздними годами, из-за чего идентичные по содержанию тексты могли быть учтены в разные временные периоды. Указанные ограничения могут быть преодолены в будущих исследованиях за счет комбинации различных источников данных, более тщательной предобработки текстов и привлечения экспертов.

Литература

Бойченко А.Е., Жучкова С.В. (2020) Что скрывает русский рэп? Тематическое моделирование текстов русскоязычной хип-хоп сцены. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2): 130–165.

Венцель А., Пирс Э.К., Тарасова З.Е. (2017) Рэп как средство выражения социальных изменений на северо-востоке Сибири: хип-хоп, урбанизация и этничность якутов (Саха). *Этнографическое обозрение*, 1: 168–182.

Тришина Е. А. (2019) Русский рэп как саморефлексия поколения. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 3: 86–96.

Грудева Е.В., Дивеева А.А. (2021) Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов. *Научный диалог*, 9: 74–97.

Есаков В.А., Логвинова И.В. (2016) Воздействие музыки в стиле рэп на сознание современной молодежи. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 1(69): 102–106.

Клочков М.В. (2020) К вопросу популярности рэпа в современной российской культуре с позиций психоанализа. *Общество: философия, история, культура*, 4(72): 107–112.

Коробов-Латынцев А.Ю. (2016) *Русский рэп: философские очерки*. Реноме.
Кривошеков В., Гулевич О., Сорокина А. (2021) Измерение традиционной маскулинной идеологии: сравнение трех русскоязычных методик. *Психологические исследования*, 14(77): 1–40.

Поляков Н. С. (2019) «Мой рэп — это молитвы, только с бритвою во рту»: религиозные темы в российском рэпе. *Религиоведение*, 3: 110–116.

Фадеева Д.Е., Сизых И.С. (2012) Рэп как разновидность массовой коммуникации. *PR и реклама: традиции и инновации*, (7–2): 246–250.

Фролова Е. В. (2014) Функционирование топосов в российской политизированной рэп-культуре. *Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука*, 5: 300–308.

Хестанов Р. (2016) Хип-хоп: культура молодежной контрреволюции. *Логос*, 26(4): 7–27.

Androutsopoulos J., Scholz A. (2003) Spaghetti funk: appropriations of hip-hop culture and rap music in Europe. *Popular music and society*, 26(4): 463–479.

Armstrong E. G. (2001) Sexism and Misogyny in Music Land. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*, 8(2): 96–126.

Baker-Kimmons L., McFarland P. (2009) The rap on Chicano and Black masculinity: A content analysis of gender images in rap lyrics. *Race, Gender & Class*, 18(1–2): 331–344.

Balaji M. (2009) Owning black masculinity: The intersection of cultural commodification and self-construction in rap music videos. *Communication, Culture & Critique*, 2(1): 21–38.

Bennett A. (1999) Hip hop am Main: the localization of rap music and hip hop culture. *Media, Culture & Society*, 21(1): 77–91.

Berggren K. (2014) *Reading rap: Feminist interventions in men and masculinity research*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis.

Best S., Kellner D. (1999) Rap, black rage, and racial difference. *Enculturation*, 2(2): 1–23.

Connell R.W., Messerschmidt J.W. (2005) Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender & Society*, 19(9): 829–859.

Connell R. W. (2005) *Masculinities* (2nd ed.). Berkeley, CA: University of California Press.

Connell R.W. (2013) *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. New York: John Wiley & Sons Limited.

Denisova A., Herasimenka A. (2019) How Russian rap on YouTube advances alternative political deliberation: Hegemony, counter-hegemony, and emerging resistant publics. *Social Media+ Society*, 5(2): 2056305119835200.

Forman M. (2000) 'Represent': race, space and place in rap music. *Popular music*, 19(1): 65–90.

Garley M., Hockenmaier J. (2012) Beefmoves: dissemination, diversity, and dynamics of English borrowings in a German hip hop forum. *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2: 135–139.

Goodall N.H. (1994) Depend on myself: TLC and the evolution of Black female rap. *The Journal of Negro History*, 79(1): 85–93.

Grant E. (2002) Gangsta Rap, the War on Drugs and the Location of African-American Identity in Los Angeles, 1988–92. *European Journal of American Culture*, 21(1): 4–15.

Greenberg E. (2009) The King of the Streets: Hip Hop and the Reclaiming of Masculinity in Jerusalem's Shu'afat Refugee Camp. *Middle East Journal of Culture and Communication*, 2(2): 231–250.

Harkness G. (2013) Gangs and gangsta rap in Chicago: A microscenes perspective. *Poetics*, 41(2): 151–176.

Harrison A. K. (2008) Racial authenticity in rap music and hip hop. *Sociology compass*, 2(6): 1783–1800.

Hollander J., Quinn J. (2016) More than noise: Employing hip-hop music to inform community development practice. *Community development*, 47(5): 652–669.

Hunnicutt G., Andrews K.H. (2009) Tragic Narratives in Popular Culture: Depictions of Homicide in Rap Music 1. *Sociological Forum*, 24(3): 611–636.

Hunter M. (2011) Shake it, baby, shake it: Consumption and the new gender relation in hip-hop. *Sociological Perspectives*, 54(1): 15–36.

Iwamoto D. (2003) Tupac Shakur: Understanding the identity formation of hyper-masculinity of a popular hip-hop artist. *The Black Scholar*, 33(2): 44–49.

Johnson J.D., Schell-Busey N. (2016) Old message in a new bottle: Taking gang rivalries online through rap battle music videos on YouTube. *Journal of Qualitative Criminal Justice & Criminology*, 4(1): 42–82.

Kolaric J. (2020) Homophobia in rap. In: Gadpaille M., Kennedy V. (eds.) *Words, Music and Gender*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing: 119–133.

Kubrin C.E. (2005) Gangstas, thugs, and hustlas: Identity and the code of the street in rap music. *Social problems*, 52(3): 360–378.

Kukulin I. (2020) Playing the Revolt: The Cultural Valorization of Russian Rap and Covert. Change in Russian Society of the 2010s. *Russian Literature*, 118: 79–105.

Lena J.C. (2006) Social context and musical content of rap music, 1979–1995. *Social Forces*, 85(1): 479–495.

Lewis T.L. (2008) The modern athlete, hip-hop, and popular perceptions of Black masculinity. *AmeriQuests*, 6(1): 1–10.

Lusane C. (2004) Rap, race, and politics. In: Forman M., Neal M. A. (eds.) *That's the Joint! The Hip-Hop Studies Reader*. New York: Routledge: 351–62.

Messerschmidt J.W. (2019) The salience of “hegemonic masculinity”. *Men and masculinities*, 22(1): 85–91.

McCann B.J. (2017) *The mark of criminality: Rhetoric, race, and gangsta rap in the war-on-crime era*. Alabama: University of Alabama Press.

Mohammed-Baksh S., Callison C. (2015) Hegemonic masculinity in hip-hop music? Difference in brand mention in rap music based on the rapper's gender. *Journal of Promotion Management*, 21(3): 351–370.

Newberger E.H. (1999) *The men they will become: The nature and nurture of male character*. Cambridge, MA: De Capo Press.

Nichols J. (2006) *The realest nigga: Constructions of black masculinity within rap music*. University of Maryland, College Park.

Oware M. (2011) Brotherly love: Homosociality and black masculinity in gangsta rap music. *Journal of African American Studies*, 15(1): 22–39.

Pritchard E.D., Bibbs M.L. (2007) Sista'outsider: Queer women of color and hip hop. In: Pough G. D., Richardson E., Durham A., Raimist R. (eds.) *Home girls make some noise: Hip hop feminism anthology*. Mira Loma, CA: Parker Publishing: 19–40.

Rabaka R. (2013) *The hip hop movement: From R&B and the civil rights movement to rap and the hip hop generation*. Lexington Books.

Shusterman R. (1991) The fine art of rap. *New Literary History*, 22(3): 613–632.

Smiler A.P., Shewmaker J.W., Hearon B. (2017) From “I Want To Hold Your Hand” to “Promiscuous”: Sexual Stereotypes in Popular Music Lyrics, 1960–2008. *Sexuality & Culture*, 21(4): 1083–1105.

Stephens R.J., Wright E. (2000) Beyond bitches, niggers, and ho's: Some suggestions for including rap music as a qualitative data source. *Race and Society*, 3(1): 23–30.

Turner P. (2010) *Hip hop versus rap: An ethnography of the cultural politics of new hip hop practices* (Doctoral dissertation, Goldsmiths, University of London).

Vogel D. L., Heimerdinger-Edwards S. R., Hammer J. H., Hubbard A. (2011) “Boys don't cry”: Examination of the links between endorsement of masculine norms, self-stigma, and help-seeking attitudes for men from diverse backgrounds. *Journal of counseling psychology*, 58(3): 368–382.

Weitzer R., Kubrin C.E. (2009) Misogyny in rap music: A content analysis of prevalence and meanings. *Men and masculinities*, 12(1): 3–29.

White M. (2011) *From Jim Crow to Jay-Z: Race, rap, and the performance of masculinity*. Champaign: University of Illinois Press.

Williams M.L. (2020) “Meditate, Don't Meditate!” an Analysis of Addict Rap, Black Men's Social Issues, and J.Cole's KOD Album. *Howard Journal of Communications*, 31(5): 415–428.

Приложение

Текст песни «В жизни так бывает» (группа «Многоточие»)

Зачем я помню те дни, когда с тобой мы окунались
В море солнечной любви? Тогда мы чувствами не игрались.
Это было как в сказке — вся жизнь перед глазами,
Казалось, была заполнена сбывшимися мечтами,
А ты сидела рядом, меня гладила рукою
И тихо говорила: «Я всегда буду с тобой».
Тебе почему-то я верил, хотя знал, что все проходит,
Но влюбленные глаза не видят того, что происходит.
Обманутые счастьем, так боятся его потерять,
Что в тряске над ним перестают его ощущать.
И вскоре я сидел один на краешке надежды
С мечтами о том, что, может, будет все как прежде,
Но ужасающая реальность мою остудила кровь
И, казалось, навеки я забыл, что значит любовь...
Что значит любовь...

В жизни так бывает,
Что любовь приходит вновь,
Только
Пламя догорает, и не бьётся в венах кровь.

Да, так бывает — любовь умирает,
Но вроде бы манит опять, манит.
И непонятно, куда же ушло все тепло —
Холод в глазах, ветер в словах.
Страх перед болью от старых потерь.
Откровенной любви захлопнута дверь.
И теперь, когда в сердце нет больше огня,
Теряется смысл каждого дня.
Дрожь и озноб от лживых ветров,
Сметающих доверие к теплу нежных слов.
И голос — он, вроде бы, и милый, и родной.
Почему нет любви — ответ простой...

В жизни так бывает,
Что любовь приходит вновь,
Только
Пламя догорает, и не бьётся в венах кровь.

STRENGTH AND WEAKNESS: DYNAMICS OF REPRESENTATION OF HEGEMONIC MASCULINITY IN RUSSIAN RAP

Svetlana Zhuchkova^a (szhuchkova@hse.ru),
Anton Boichenko^b,
Nikita Smirnov^a

^a HSE University, Moscow, Russia

^b Independent researcher, London, UK

Citation. Zhuchkova S., Boichenko A., Smirnov N. (2024) Sila i slabost: dinamika reprezentatsii gegemonnoy maskulinnosti v russkoyazychnom repe [Strength and weakness. Dynamics of representation of hegemonic masculinity in Russian rap]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 103–138 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.6>. EDN: CIBPQV

Abstract. In public and academic debate, rap is often presented as one of the most aggressive music genres, depicting violence and cruelty in various ways. One of the reasons for that is rap's social background. It emerged in the criminal area of New York first created by the deprived Black population. Using the notion of hegemonic masculinity, various researchers have shown how rappers manage to dominate others by demonstrating misogyny, homophobia, and aggression towards other artists in their lyrics. However, a recent study of Russian-language rap that analyses several thousand texts of this genre, showed that Russian-language rap might be different. It shows topics related to emotions, feelings, and reflection, i.e. features that do not fit into the typical image of rap's hegemonic masculinity. Using the results of this study and an extended corpus of texts, the present research poses questions about how these images co-exist in Russian-language rap. This research attempts to reveal what and how exactly Russian rappers express and experience emotions, and how the content of their songs changes over time. The results show that Russian-language rap is much more characterised by a «reflexive» image associated with the expression of feelings and emotions. Moreover, if in the early periods the main source of emotions was reflections about one's path and destiny, over time they are replaced by feelings and emotions about romantic love and break up. At the same time, the increasing prevalence of masculine topics has also been noticeable in recent years. These are topics that, in our opinion, express a new image of hegemonic masculinity. This «new» hegemonic masculinity establishes male dominance using wealth, drug use, and popularity among women, but not aggression and cruelty, that characterised rap's more traditional masculinity practises.

Keywords: dynamics analysis, hegemonic masculinity, text mining, topic modeling, Russian rap.

References

- Androutsopoulos J., Scholz A. (2003) Spaghetti funk: appropriations of hip-hop culture and rap music in Europe. *Popular music and society*, 26(4): 463–479.
- Armstrong E.G. (2001) Sexism and Misogyny in Music Land. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*, 8(2): 96–126.
- Baker-Kimmons L., McFarland P. (2009) The rap on Chicano and Black masculinity: A content analysis of gender images in rap lyrics. *Race, Gender & Class*, 18(1–2): 331–344.
- Balaji M. (2009) Owning black masculinity: The intersection of cultural commodification and self-construction in rap music videos. *Communication, Culture & Critique*, 2(1): 21–38.
- Bennett A. (1999) Hip hop am Main: the localization of rap music and hip hop culture. *Media, Culture & Society*, 21(1): 77–91.
- Berggren K. (2014) *Reading rap: Feminist interventions in men and masculinity research*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis.
- Best S., Kellner D. (1999) Rap, black rage, and racial difference. *Enculturation*, 2(2): 1–23.
- Boichenko A., Zhuchkova S. (2020) Chto skryvayet russkiy rep? Tematicheskoye modelirovaniye tekstov russkoyazychnoy khip-khop stseny [What is inside Russian rap? Topic modeling of the texts of the Russian-speaking hip-hop stage]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(2): 130–165 (in Russian).
- Connell R.W., Messerschmidt J.W. (2005) Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender & Society*, 19(9): 829–859.
- Connell R.W. (2005) *Masculinities*. 2nd ed. Berkeley, CA: University of California Press.
- Connell R.W. (2013) *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. New York: John Wiley & Sons Limited.
- Denisova A., Herasimenka A. (2019) How Russian rap on YouTube advances alternative political deliberation: Hegemony, counter-hegemony, and emerging resistant publics. *Social Media+ Society*, 5(2): 2056305119835200.
- Esakov V.A., Logvinova I.V. (2016) Vozdeistvie muzyki v stile rep na soznanie sovremennoy molodezhi [The impact of rap music on the consciousness of modern youth]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow state University of culture and arts], 1(69): 102–106 (in Russian).
- Fadeeva D.E., Syzhik I.S. (2012) Rep kak raznovidnost' massovoy kommunikacii [Rap as a kind of mass communication]. *PR i reklama: tradicii i innovacii* [PR and advertising: traditions and innovations], (7–2), 246–250 (in Russian).
- Forman M. (2000) 'Represent': race, space and place in rap music. *Popular music*, 19(1): 65–90.
- Frolova E. (2014) Funkcionirovanie toposov v russijskoj politizirovannoj re'p-kul'ture [Contemporary Russian Rap Culture Topological Analysis]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka* [Ural philological bulletin. Series: draft: young science], 5: 300–308 (in Russian).

Garley M., Hockenmaier J. (2012) Beefmoves: dissemination, diversity, and dynamics of English borrowings in a German hip hop forum. *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2: 135–139.

Goodall N.H. (1994) Depend on myself: TLC and the evolution of Black female rap. *The Journal of Negro History*, 79(1): 85–93.

Grant E. (2002) Gangsta Rap, the War on Drugs and the Location of African-American Identity in Los Angeles, 1988–92. *European Journal of American Culture*, 21(1): 4–15.

Greenberg E. (2009) The King of the Streets: Hip Hop and the Reclaiming of Masculinity in Jerusalem's Shu'afat Refugee Camp. *Middle East Journal of Culture and Communication*, 2(2): 231–250.

Grishina E.A. (2019) Russkii rep kak samorefleksiya pokoleniya [Russian rap as self-reflection of the generation]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie"* [RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies], 3: 86–96 (in Russian).

Grudeva E.V., Diveeva A.A. (2021) Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennykh russkoyazychnykh rep-tekstov [Linguistic and extralinguistic aspects of the study of modern Russian-language rap texts]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 9: 74–97 (in Russian).

Harkness G. (2013) Gangs and gangsta rap in Chicago: A microscenes perspective. *Poetics*, 41(2): 151–176.

Harrison A.K. (2008) Racial authenticity in rap music and hip hop. *Sociology compass*, 2(6): 1783–1800.

Hollander J., Quinn J. (2016) More than noise: Employing hip-hop music to inform community development practice. *Community development*, 47(5): 652–669.

Hunnicut G., Andrews K.H. (2009) Tragic Narratives in Popular Culture: Depictions of Homicide in Rap Music 1. *Sociological Forum*, 24(3): 611–636.

Hunter M. (2011) Shake it, baby, shake it: Consumption and the new gender relation in hip-hop. *Sociological Perspectives*, 54(1): 15–36.

Iwamoto D. (2003) Tupac Shakur: Understanding the identity formation of hyper-masculinity of a popular hip-hop artist. *The Black Scholar*, 33(2): 44–49.

Johnson J. D., Schell-Busey N. (2016) Old message in a new bottle: Taking gang rivalries online through rap battle music videos on YouTube. *Journal of Qualitative Criminal Justice & Criminology*, 4(1): 42–82.

Khestanov R. (2016) Hip-hop: kul'tura molodezhnoj kontrrevoljucii [Hip-hop: youth counter-revolution culture]. *Logos* [Logos], 26(4): 7–27 (in Russian).

Klochkov M.V. (2020) K voprosu populyarnosti repa v sovremennoi rossiiskoi kul'ture s pozitsii psikhooanaliza [On the issue of rap popularity in modern Russian culture from the perspective of psychoanalysis]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 4(72): 107–112 (in Russian).

Kolaric J. (2020) Homophobia in rap. In: Gadpaille M., Kennedy V. (eds.) *Words, Music and Gender*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing: 119–133.

Korobov-Latyntsev A. (2016) *Russkii rep: filosofskie ocherki* [Russian rap: philosophical essays]. Renome (in Russian).

Krivoshchekov B., Gulevich O., Sorokina A. (2021) Izmerenie traditsionnoi maskulinnoi ideologii: sravnenie trekh russkoyazychnykh metodik [Measurement of traditional

masculinity ideology: comparison of factor structure of three Russian-language inventories]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 14(77): 1–40 (in Russian).

Kubrin C. E. (2005) Gangstas, thugs, and hustlas: Identity and the code of the street in rap music. *Social problems*, 52(3): 360–378.

Kukulin I. (2020) Playing the Revolt: The Cultural Valorization of Russian Rap and Covert. Change in Russian Society of the 2010s. *Russian Literature*, 118: 79–105.

Lena J.C. (2006) Social context and musical content of rap music, 1979–1995. *Social Forces*, 85(1): 479–495.

Lewis T.L. (2008) The modern athlete, hip-hop, and popular perceptions of Black masculinity. *AmeriQuests*, 6(1): 1–10.

Lusane C. (2004) Rap, race, and politics. In: Forman M., Neal M. A. (eds.) *That's the Joint! The Hip-Hop Studies Reader*. New York: Routledge: 351–62.

Messerschmidt J.W. (2019) The salience of “hegemonic masculinity”. *Men and masculinities*, 22(1): 85–91.

McCann B.J. (2017) *The mark of criminality: Rhetoric, race, and gangsta rap in the war-on-crime era*. Alabama: University of Alabama Press.

Mohammed-Baksh S., Callison C. (2015) Hegemonic masculinity in hip-hop music? Difference in brand mention in rap music based on the rapper's gender. *Journal of Promotion Management*, 21(3): 351–370.

Newberger E.H. (1999) *The men they will become: The nature and nurture of male character*. Cambridge, MA: De Capo Press.

Nichols J. (2006) *The realest nigga: Constructions of black masculinity within rap music*. University of Maryland, College Park.

Oware M. (2011) Brotherly love: Homosociality and black masculinity in gangsta rap music. *Journal of African American Studies*, 15(1): 22–39.

Polyakov N.S. (2019) “Moi rep — eto molitvy, tol'ko s britvoyu vo rtu”: religioznye temy v rossiiskom repe [“My rap is prayers, only with a razor in my mouth”: religious themes in Russian rap]. *Religiovedenie* [Study of Religion], 3: 110–116 (in Russian).

Pritchard E.D., Bibbs M.L. (2007) Sistāoutsider: Queer women of color and hip hop. In: Pough G. D., Richardson E., Durham A., Raimist R. (eds.) *Home girls make some noise: Hip hop feminism anthology*. Mira Loma, CA: Parker Publishing: 19–40.

Rabaka R. (2013) *The hip hop movement: From R&B and the civil rights movement to rap and the hip hop generation*. Lexington Books.

Shusterman R. (1991) The fine art of rap. *New Literary History*, 22(3): 613–632.

Smiler A.P., Shewmaker J.W., Hearon B. (2017) From “I Want To Hold Your Hand” to “Promiscuous”: Sexual Stereotypes in Popular Music Lyrics, 1960–2008. *Sexuality & Culture*, 21(4): 1083–1105.

Stephens R.J., Wright E. (2000) Beyond bitches, niggers, and ho's: Some suggestions for including rap music as a qualitative data source. *Race and Society*, 3(1): 23–30.

Turner P. (2010) *Hip hop versus rap: An ethnography of the cultural politics of new hip hop practices* (Doctoral dissertation, Goldsmiths, University of London).

Ventsel A., Pirs E.K., Tarasova Z.E. (2017) Rep kak sredstvo vyrazheniya sotsial'nykh izmenenii na severo-vostoke Sibiri: khup-khop, urbanizatsiya i etnichnost' yakutov (Sakha) [Rap as a means of expressing Social changes in the Northeast of Siberia: Hip-hop, Urbanization and Ethnicity of the Yakuts (Sakha)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1: 168–182 (in Russian).

Vogel D.L., Heimerdinger-Edwards S.R., Hammer J.H., Hubbard A. (2011) “Boys don’t cry”: Examination of the links between endorsement of masculine norms, self-stigma, and help-seeking attitudes for men from diverse backgrounds. *Journal of counseling psychology*, 58(3): 368–382.

Weitzer R., Kubrin C.E. (2009) Misogyny in rap music: A content analysis of prevalence and meanings. *Men and masculinities*, 12(1): 3–29.

White M. (2011) *From Jim Crow to Jay-Z: Race, rap, and the performance of masculinity*. Champaign: University of Illinois Press.

Williams M.L. (2020) “Meditate, Don’t Meditate!” an Analysis of Addict Rap, Black Men’s Social Issues, and J. Cole’s KOD Album. *Howard Journal of Communications*, 31(5): 415–428.